

АЛЕКСЕЙ НАВАЛЬНЫЙ

Гроза

жуликов

и воров

Константин
Воронков

Константин Воронков Алексей Навальный. Гроза жуликов и воров

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2547915

Алексей Навальный. Гроза жуликов и воров / Константин Воронков.: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-53227-8

Аннотация

Кто такой Алексей Навальный? Его не показывают по телевизору, о нем не пишет газета «Твой день» – но в Интернете его антикоррупционные проекты стали сенсацией. Разоблачения чиновников и госкомпаний, которые Навальный публикует почти ежедневно в своем блоге, читают сотни тысяч людей, а его проекты «РосПил» и «РосЯма» – это открытие года в борьбе с коррупцией. У Навального есть все, чтобы стать популярным национальным политиком, и неудивительно, что самые разные политические силы, от «Правого дела» до националистических движений, пытаются добиться его поддержки. Когда он сделает свой следующий шаг?

Автор этой книги с помощью самого Алексея, его близких и друзей пытается взглянуть на его роль в российской политике и ответить на вопрос: кто же на самом деле «мистер Навальный»? Борец за правду? Политикан? Провокатор? Или, может быть, просто честный и смелый человек? А главное – зачем он нужен нам, всем, кто живет в этой стране?

Ошеломляющий успех и высокие продажи книги «Алексей Навальный. Гроза жуликов и воров» обеспечили ей победу в премии «Электронная буква 2011», а сам автор был назван «Открытием года».

Для широкого круга читателей.

Содержание

От автора	4
Русский пионер	7
Демократ	12
Политик	16
Шоумен	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Константин Воронков Алексей Навальный. Гроза жуликов и воров

От автора

Алексей Навальный – главная политическая сенсация России последних двух лет. Звучит странно: как можно быть сенсацией два года (и не следует ли назвать подобную сенсацию модой)? Однако он умело подбрасывает своим поклонникам и ненавистникам (а последних у него куда больше, чем оппонентов) все новые информационные кости, лихо повышает градус, меняется вместе с публикой. Алексей Навальный – торжество свободной конкуренции, от отсутствия которой, как принято считать, так страдает российская политическая жизнь.

Сам себя он считает простым, обычным, даже заурядным русским парнем. У него есть образование – не МГУ, поступая на юрфак которого после школы он не добрал один балл, но и не совсем заборостроительный вуз: институт Дружбы народов им. Патриса Лумумбы (ныне РУДН), добротное советское высшее образование, к которому позже добавилась Финансовая академия. Небольшая пикантность, пожалуй, лишь в том, что обладателю диплома института Дружбы народов Навальному впоследствии будут весьма настойчиво лепить ярлык фашиста (впрочем, Гитлеру до сих пор ищут еврейскую бабушку; и не факт, что рано или поздно не найдут).

У него есть жена – умная, но верная. Двое детей, квартира в спальном районе. Он все еще немного стесняется своей славы, но это скоро пройдет. Одно из его фирменных выражений – «давайте потыкаем острой палкой». У него много фирменных выражений, но это замечательно тем, что он сам превратился в острую палку – одно его имя уже стало синонимом слова «неприятность» для всех тех, кто притащил в современность понятийный аппарат 90-х: эти «откаты», «распилы», свое «горячее сердце» и «чистые руки».

Его первым «фанатом» можно считать прозорливого Владислава Суркова¹ – Навального начали «мочить» еще тогда, когда сам он был никем, а Путин был президентом. Со временем фанатов (уже без кавычек) стало много. Однако фанаты зачастую столь требовательны к кумиру, что могут с легкостью его и покалечить. Вряд ли их стоит за это осуждать, просто на них нельзя положиться. Наступит момент, когда из виртуального Бэтмена, за подвигами которого хорошо следить, сидя с попкорном перед монитором, Алексей превратится во влиятельный фактор российской политики, и ему будут нужны люди, которым нравится не только он сам, но и то, что он делает. Вместо обожания фанатов ему потребуется поддержка сторонников. И тогда им захочется узнать о нем больше, чтобы решить для себя главное – можно ли ему доверять.

Наверное, про Навального напишут и другие книги, в которых расскажут, как звали его первую учительницу и кем был его дедушка. Я же с помощью Алексея, его близких и друзей попытаюсь ответить на вопрос, который часто задаю себе сам: кто он, этот мистер Навальный, на самом деле? Борец за правду? Политикан? Провокатор? Или человек, решивший заменить традиционное для России милицейское понимание слова «гражданин» на то,

---

¹ Владислав Юрьевич Сурков. Первый заместитель руководителя Администрации президента РФ. Считается, что, начиная с первого президентского срока В. Путина и до настоящего времени, Сурков как никто другой формирует внутреннюю политику в стране. Его часто называют главным идеологом существующего в России политического режима. (*Здесь и далее примечания автора. – Ред.*)

что было в нем изначально, тысячи лет назад – свободный человек, наделенный правами и обязанностями и знающий, что с ними делать? И «мистер» ли он вообще, ведь именно в этом его чаще всего обвиняют. Кто он – господин, товарищ? А главное – зачем он нам нужен?

* * *

В начале 2005 года внутренняя политика российского государства неожиданно для многих сменила ориентацию: если раньше основным спарринг-партнером власти представлялись эмиссары международной ваххабитской закулисы, то после массовых выступлений и отмены итогов президентских выборов на Украине² эта роль перешла к доморощенной «пятой колонне». Главным политическим трендом на несколько лет вперед была объявлена «оранжевая угроза» (на Украине эту угрозу назвали революцией, потому что там она превратилась в реальность). Пока одни сотрудники Администрации президента решали, кого назначить в «пятую колонну», другие с наступлением нового года занялись более важным делом – созданием передовых отрядов для борьбы с нею же. Эти отряды должны были стать энергичным и бескомпромиссным упреждающим ответным ударом всем тем, у кого торжество украинской демократии вызовет ненужные иллюзии. Было ясно, что лучше всего с этой ролью справится молодежь.

В феврале газета «Коммерсантъ» в статье «Обыкновенный „нашизм"» сообщила о планах по созданию движения «Наши». В апреле появилась «Россия молодая», позже учредили «Молодую гвардию Единой России». Их основной целью было объявлено – противостоять. Первому постсоветскому поколению, которое ничего, по большому счету, не разъединяло, старшими товарищами было предложено вернуться к старой проверенной игре – поиску внутренних врагов. В новых условиях в способности молодых к диалогу друг с другом больше не было нужды. Так получилось, что мое знакомство с Алексеем Навальным началось именно с попытки предложить альтернативу этим «новым условиям».

Осенью того же года политолог Сергей Евдокимов и начинающий политик Дмитрий Гудков придумали общественную организацию, которую назвали «Молодежной общественной палатой». Настоящая Общественная палата при президенте должна была вот-вот учредиться, про нее много писали, и молодежная организация со схожими целями и названием казалась идеей весьма перспективной. Правда, по своей сути она была полной противоположностью президентской: денег у государства брать мои друзья не собирались, а принимать хотели не только общественников, но и представителей политических партий – целью было организовать диалог всех со всеми. За составление списков членов «взрослой» палаты отвечал известный адвокат Анатолий Кучерена, с которым я был знаком. Поэтому Сергей и Дима пришли ко мне – поддержка Кучерены казалась залогом успеха (он действительно очень заинтересовался, но после того как мы отказались дружно «влиться» в его общественное движение «Гражданское общество», возникший интерес постепенно угас). Так или иначе, палата была создана. Я пригласил своего однокурсника Диму Янина, председателя КОН-ФОПа, а остальных вербовал Гудков: там были и коммунист Юрий Афонин, сейчас депутат Госдумы, и молодоговардеец Алексей Шапошников, и другие «официальные лица». Оппозицию олицетворяла Маша Гайдар³ и ее движение «ДА!». Маша и привела Навального, который был тогда заместителем руководителя московского отделения «Яблока». Первая встреча

---

² Речь идет о политическом кризисе на Украине в ноябре-декабре 2004 г. После объявления о победе В. Януковича на президентских выборах сторонники другого кандидата, В. Ющенко, начали акции протеста. Результатом стало повторное голосование, в котором победил В. Ющенко. События вошли в историю как «оранжевая революция».

³ Мария Егоровна Гайдар. Российская политическая и общественная активистка. Один из лидеров партии СПС на выборах в Госдуму в 2007 г. В 2009–2011 гг. – заместитель губернатора Кировской области. Дочь Е. Гайдара, главы правительства России в 1992 г.

происходила в зале гостиницы «Националь», за который заплатил один из учредителей – политтехнолог Максим Григорьев, и напоминала китайские переговоры, только без подарков.

Идея МОП всем понравилась, иначе бы они не пришли; но взгляды и речи участников, в первую очередь, оппозиционного крыла, наводили на мысль, что присутствие на той первой конференции потребовало от них большого-пребольшого усилия над собой. Речи были осторожны, длинные и не сулили ничего конкретного. Само место проведения – помпезная пятизвездочная гостиница – вызвало у некоторых приступ обсессивно-компульсивного расстройства, обессию в котором представляла витающая в их воображении над роскошными залами «Националя» тень Владислава Суркова, а компульсию – потребность немедленно выйти (не успев никуда войти)⁴. Роль Навального была не ясна: хоть он и подписал тогда Декларацию о создании палаты, оставалось ощущение, что все это ему было не интересно и участвовал он исключительно за компанию с Машей. После этого мы встречались еще несколько раз. Впечатления на меня Алексей тогда не произвел: он в основном молчал, и вопрос: «Зачем я здесь?» был написан на его лице большую часть времени. Очень скоро он на встречи ходить перестал.

Только спустя пару лет, узнав Навального лучше, я понял, что было причиной показавшегося мне столь мутным поведения: он не мог и не хотел петь в общем хоре, пусть даже и таком демократичном, какой собрал Дима Гудков. Политическая тусовка ради себя самой ему была чужда, и он не понимал, зачем создается эта организация, а потому не хотел тратить на нее свое время.

Вообще, он относится к времени очень трепетно, я так и не понял – оттого, что у него его мало, или потому, что ему его просто жалко. Сначала Алексей принципиально не хотел участвовать в создании этой книги (в конце концов, уговоры подействовали, и я ему благодарен, ведь без его участия мы бы вряд ли много о нем узнали), и причиной этого был именно вопрос времени. Не ее «преждевременность», в чем он пытался меня убедить, и уж тем более не его скромность: Навальный занимается политикой 10 лет и прекрасно знает, что публичности много не бывает и что степень известности – залог того, что с ним будут считаться. Чтобы расстаться со своим главным сокровищем – временем, – ему нужны были аргументы. Как только он понял, что в этой книге заинтересован не меньше автора или читателя, время на беседы со мной сразу нашлось. И нашлось его достаточно, чтобы мы удовлетворили свое любопытство.

---

⁴ Ирония заключалась в том, что в Кремле Молодежную общественную палату не жаловали как раз потому, что она была создана по частной инициативе и «без разрешения». Официальное «перемирие» состоялось только через три года, когда нас пригласили к Владиславу Суркову рассказать о себе. Говорил, правда, в основном он. Однако зарегистрировать название «Молодежная общественная палата» так и не позволили.

Русский пионер

Сейчас, в 2011-м году, Алексею Навальному 35 лет. Детство его прошло в четырех разных военных городках. Отец – офицер ракетных войск, мать – жена офицера (а заодно экономист). Для Википедии здесь можно было бы перечислить еще много разных фактов (что он высокий и блондин, например), но они ничего не добавляют к портрету героя; скорее интересно наблюдение: на вопросы о себе и своей биографии Алексей отвечает прилежно, и кажется, он делает прилежно все, насчет чего принял решение – «делать». У него есть какая-то несоветская презумпция правоты спрашивающего: если человек интересуется, значит, ему это нужно.

Навальный не любит Советский Союз. Не ненавидит, а именно не любит; возненавидеть он его не успел по молодости лет: слишком сложное чувство для подростка, в пятнадцать обычно занимаются первой любовью, а не первой ненавистью. К тому же, по советским меркам семья Навальных была вполне успешной: ни с уважением, ни с деньгами проблем у них не было, а ненавидеть родину за отсутствие колбасы мелко даже для советского человека (в своем блоге он, кстати, так себя и называет – «совок»; и это не поза и не кокетство, а осмысленная констатация: надо быть «совком», чтобы последовательно не любить советскую власть и посвятить свою жизнь выдавливанию ее из себя, а в случае Навального – еще и из общества).

Из беседы с Алексеем Навальным:

«...Главное детское воспоминание – я стою в очереди за молоком. Все время стою в очереди за молоком. Когда мне было семь лет, у меня родился брат. И пока он был маленький, ему было нужно много молока. И за ним все время приходилось стоять в очереди. Нужно было прийти к 14 часам, когда привозили это молоко, – а я как раз возвращался из школы – и стоять. Когда мне сейчас какие-то люди, особенно молодые, которые Советский Союз не застали, начинают рассказывать байки, как там было прекрасно, – мне этого рассказывать не нужно, я стоял за этим молоком. Мать с отцом до сих пор вспоминают, что в 5 утра нужно было идти занимать очередь за мясом. И это было в военном городке, где было хорошее снабжение. Я не считаю, что Советский Союз нужно как-то огульно ругать, но сейчас мы живем точно лучше, чем тогда, и у меня никакой ностальгии по нему нет. И жрать нечего было в Советском Союзе. Мы из Москвы на Украину возили гречку. Туда, где эту гречку выращивают.

Потом, я полдетства провел, сдавая бутылки. Когда мы переехали в военный городок в Таманской дивизии, там была плохая вода из крана, мы покупали газировку в бутылках, и можно было эти бутылки сдать. Причем бутылка стоила достаточно дорого – 20 копеек. И у них никогда не было тары. Ты прешь эти бутылки, чтобы сдать, а у них нет тары. Эти бутылки и это молоко для меня были символами. Причем было видно, что эти бутылки не были нужны никому. И тара не нужна никому. Но есть странный ритуал, что всех заставляют сдавать бутылки, а принимать не хотят. В 80-е, кажется, в КВН даже был скетч, в котором переделали известную песню и пели: „Я никогда не буду с тарой!“ Эта ерунда была поистине всенародной проблемой. И осознание бессмысленности экономического уклада, бесполезности и бардака происходило через это.

Каждое лето до 1986 года я проводил под Чернобылем, в деревне у бабушки. Еще в 30-м году ее раскулачили, и она ненавидела Ленина. В семье есть история, как мой двоюродный брат ездил с Украины в Москву и, естественно, сходил в Мавзолей. Дома он прибежал

к бабушке и закричал: „Я Ленина видел!“ А она говорит: „Ты в него плюнул?“ Бабушка считала, что есть вещи поважнее советской власти: например, она нас всех крестила.

У меня сохранились совершенно прекрасные воспоминания о том времени. И сейчас, когда есть возможность, мы туда ездим, чаще всего на майские праздники. Интересно смотреть, как там вокруг все заросло...»

NAVALNY.LIVEJOURNAL.COM:

Прошу прощения, что затянул с официальными комментариями – находился в той части Украины, где вместо энторнета – варэники, а вместо ЖЖ – налистники.

Возвращаясь домой, Алеша начинал говорить с родителями по-украински и шутил, что забыл русский язык. Вообще, знаменитый стиль Навального – стеб и ирония – не его изобретение, это язык, на котором говорят в его семье. Поэтому можно надеяться, что главный российский обличитель не зазнается – дома всегда найдутся желающие потыкать острой палкой в него самого.

Украинская бабушка не только крестила своего внука, не спросив разрешения у его партийного отца, – вместе с ним она молилась и ходила в церковь. Вернувшись однажды осенью в детский сад, он принялся читать «Отче наш», чем сильно рассмешил воспитательниц. Родителям же было не до смеху – в то время из-за этого могли быть неприятности. Неприятности, правда, могли быть и из-за другого: после ввода советских войск в Афганистан его отец, Анатолий Иванович, купил коротковолновой приемник, и с тех пор в их доме не умолкал «Голос Америки» (так что те, кто сейчас говорят, что Навальный – агент ЦРУ, могут примерно представить, когда он был завербован!).

В школьные годы в церковь он уже не ходил, даже когда бывал у бабушки. Более того, октябренком, а потом пионером он возил ей книжки из серии «Библиотечка атеиста» и доказывал, что бога нет. Сейчас, глядя, как Навальный, завидев купола, начинает креститься, в это трудно поверить. Еще в институте он был воинствующим атеистом. Верить начал постепенно, наблюдая за своими детьми – как ребенок рождается из ничего и становится человеком. (Правда, и сейчас, считая себя православным, он кое в чем не соглашается с церковью – например, что всякая власть от Бога.)

Родителей, как известно, не выбирают, значит, можно сказать, что Алексею повезло: основой его семьи были, конечно, и долг, и любовь, но главное – уважение. Вряд ли он тогда уже знал юридический термин «презумпция», но в семье Навальных она точно была – презумпция самостоятельности каждого, даже самого младшего ее члена. Все вольны были принимать самостоятельные решения, а потому в его семье все ответственны друг за друга. Ему повезло и в другом: можно было многое в себе не изобретать, перед его глазами всегда был отец, на которого он очень похож. Вообще, Навальный очень семейный человек – самое большое удовольствие он получает от семейных праздников, выездов на шашлыки, когда вокруг все близкие, «свои».

Он хорошо учился. Когда в 3-м классе начал приносить домой первые четверки, избалованные пятерками родители его отругали. «Не хочешь учиться – заставим!» – пообещали они вполне по-военному. Это был последний раз, когда его заставляли. На следующий день девятилетний Алеша вообще отказался идти в школу, заявив, что считает ниже своего достоинства делать что-то из-под палки. С оценками, впрочем, проблем не было, проблемы были с поведением: время от времени у него возникали конфликты с учителями, которым он не стеснялся говорить, что они неправы. Для него не существовало авторитетов; не в том смысле, что он никого не уважал, просто его уважение, независимо от возраста и должности, следовало заслужить.

Теперь, правда, Навальный – гордость своей школы, и учителя с интересом спрашивают родителей о его делах.

Из беседы с Алексеем Навальным:

«...К счастью, у нас в военных городках не было никаких смотров, никаких слетов. Я ходил в кружок астрономов, книжки любил читать, причем все подряд, занимался самбо. Потом я ездил в пионерские лагеря. Каких-то воспоминаний, как мы бодро там маршруровали, у меня нет. В мое время над этим уже все смеялись. Выродилось все к тому времени. Пару раз меня выбирали старостой класса, но я этого не хотел и никогда не был общественным активистом, не организовывал никакие дискотеки, это совершенно точно. Мое поколение застало Советский Союз в том виде, когда это уже была абсолютная игра и обман. Даже дети это все понимали. „Взвейтесь кострами, бочки с бензином, мы пионеры, дети грузинов...“

Перестройка для меня связана с музыкой, начиная с Башлачева и заканчивая группой „Крематорий“. Еще „Кино“, „ДДТ“, „Алиса“. Их тогда начали показывать во „Взгляде“, потом появилась „Программа А“. Их песни я помню наизусть до сих пор. У меня был проигрыватель, на котором слушались вышедшие пластинки, потому что магнитофон, а уж тем более видеомагнитофон, мы себе позволить не могли. Во всех военных городках, где я жил, все люди были одинаковые, никто никогда не был за границей. А в последнем городке, где родители и сейчас живут, там уже были дети, чьи отцы служили в Германии, Венгрии, Афганистане. И то, что они привозили, это был шок – настоящие жвачки с настоящими вкладышами; дома у них были японские телевизоры; они рассказывали „про за границу“. Это был другой мир. А у нас ничего не было. И стала заметна разница. Эти люди были, вроде, такие же советские офицеры. Но те советские офицеры, которые послужили в Германии, они были совсем другие советские офицеры. Я не чувствовал социального неравенства, и они не были богаче нас. Но они там были, а мы нет. И поэтому было понятно, что мы разные люди. Было понятно, что вся эта поганая система построена на обмане, и все эти агитаторы и пропагандисты, которые здесь живут и рассказывают сказку про свою партию, мечтают только о том, чтобы получить путевку в Болгарию, купить здесь часы, там их обменять на какие-то духи и два магнитофона, чтобы один здесь сдать в комиссионку. Все хотели поехать за границу. А за границу ездили только те, кто больше всего полоскал нам мозги – какой распрекрасный Советский Союз, советский строй. Осознание этого, плюс программа „Взгляд“, рок-музыка – все это сформировало из меня отъявленного, адского демократа и либерала.

Нужно было быть ребенком, чтобы чувствовать всю ненормальность окружающей действительности – вокруг царило „совковое“ лицемерие, которого взрослые почти уже не замечали. Трудно сказать, удалось ли нам от него освободиться, но внешние проявления „совковости“ точно живут до сих пор. Я могу зайти в ресторан за границей и сразу вижу, где сидят наши русские-советские люди: шныряют испуганно глазами и пытаются произвести впечатление. Наверное, я хотел бы избавиться от этой советской затравленности, которая во мне точно есть – когда люди смеются, ты думаешь, что они смеются над тобой. Если посмотреть на китайцев в возрасте, они точно такие же; они радикально отличаются от китайской молодежи. Советские люди всегда ищут подвоха. Я, наверное, в меньшей степени, чем те, кто меня старше. Мой младший брат – он уже не такой. А дети мои совсем не такие. Они не чувствуют себя несвободными и комплексуют совершенно по другим поводам. Но ведь все это можно назвать иначе – культурным кодом. То, что мы презрительно называем „совковостью“, это наш культурный код. Вот такой он и есть.

Я всегда читал газеты. В семье выписывали „Известия“, еще что-то, а когда начались нормальные газеты, мы выписывали „Московский комсомолец“, „Аргументы и факты“. Я

всегда знал, кто у нас какой министр, кто замминистра и всегда влезал в политическую дискуссию, у меня всегда были политические взгляды. Многие свои тогдашние взгляды я сейчас считаю наивными, но они у меня были. Не понимаю, как можно не знать, каких ты политических взглядов. Когда человек мне говорит, что не интересуется политикой, я считаю его просто глупым. Или это отговорка, чтобы плыть по течению, чтобы объяснить свою лень или подлость.

Детство прошло в военной среде, БТР был заурядной вещью, а солдаты – кем-то вроде дворников. Но во всех военных городках, где мы жили, с боеприпасами было строго, а вот в последнем, в Таманской дивизии, была удивительная вольница, просто анархия. Патроны были доступны детям, и я долго увлекался всякими взрывами. У нас было развлечение, которое называлось „ловить патроны“. Рядом с полигоном, куда, кстати, могли зайти все желающие, было озеро. И в него выкидывали патроны, оставшиеся после стрельб. Офицеры отстрелялись, патроны нужно везти обратно и сдавать на склад, а им лень. И они их выкидывали в воду. А мы брали магнит из мотора, привязывали к веревке и забрасывали, а когда доставали, он был с патронами. У солдат на еду можно было выменять ящик автоматных патронов или снаряд, который потом распилить, достать порох, завернуть в фольгу и пускать ракеты. Патронами дети торговали в школе – 10 копеек стоил автоматный, 15 копеек – трассер. Моему однокласснику изуродовало все лицо. В одном из военных городков, где я жил, от таких же развлечений погибли двое детей.

Так что весь конец Советского Союза я взрывал, слушал музыку и читал...»

19 августа 1991 года пятнадцатилетний Алексей Навальный дома, в подмосковном поселке Калининцев, смотрел пресс-конференцию ГКЧП. Весь день до нее Центральное телевидение показывало балет «Лебединое озеро», отменив остальные передачи. Интернета еще не было, и можно быть уверенным, что у часового бенефиса шестерых косноязычных заговорщиков был тогда грандиозный рейтинг. За годы перестройки советский человек превратился в информационного наркомана, и маленькие лебеди во время больших событий вызвали у него настоящую ломку: многие так и сидели с утра перед телевизором, словно пытаясь разглядеть происходящее за кулисами. Настроение большинства скакало галопом: от эйфории почти участия в чем-то по-настоящему историческом до истерических опасений, что в телевизоре, кроме лебедей, снова поселятся одни лишь Игорь Кириллов⁵, Юрий Сенкевич⁶ и тетя Валя⁷. Единственным человеком в СССР, не смотревшим трансляцию, был президент СССР Михаил Горбачев, запертый на даче в Крыму. Окруженный домочадцами, с помощью японского приемника он слушал «Голос Америки», который по его же предусмотрительному решению за несколько лет до того перестали глушить. Были, правда, и те, кто сами в тот день стали ньюсмейкерами. Уже с утра они собирались у ельцинского Верховного Совета – единственный в российской истории случай, когда с риском для жизни люди отправились на баррикады не отстаивать свои убеждения, а защищать собственную свободу.

О том, что в Москве что-то происходит, Алексей узнал одним из первых в стране: именно его соседи находились внутри танков, которые были введены в тот день в столицу. Он говорит, что ни у кого вокруг не было ни капли страха. Все понимали, что офицеры Таманской и Кантемировской дивизии съезжат в Москву, постоят и вернутся. Советская власть была уже не способна заставить их стрелять в народ. Ее не уважали и не боялись. Достаточно было посмотреть на смеющихся над гэкачепистами во время той пресс-конференции

---

⁵ Знаменитый диктор ЦТ. Много лет вел информационную программу «Время».

⁶ Ведущий популярной в СССР передачи «Клуб путешественников».

⁷ Популярная советская телеведущая Валентина Леонтьева.

журналистов, чтобы предсказать очень скорое будущее всей авантюры. Он хорошо помнит «трясущиеся руки Янаева»⁸ и чувство, что наблюдает агонию режима.

Из беседы с Алексеем Навальным:

«...Союз должен был развалиться, большинству людей он казался обузой. Было бы прекрасно, если бы у нас была такая страна, но к тому времени это было уже нежизнеспособное образование. Было огромное число негативных последствий: русские – крупнейший разделенный народ Европы; в республиках произошли гражданские войны. Но это было логично с исторической точки зрения. Его развалили не демократы, а коммунисты, комсомольцы, ГКЧП. Сейчас стало модно говорить, какая это ужасная „главная геополитическая катастрофа двадцатого века“. Но все республики голосовали за независимость. Я прекрасно помню, какие жаркие споры были с родственниками на Украине. Они говорили: вот отделимся, вам нечего будет жрать. Потом, правда, оказалось, что это им скорее жрать нечего. Августовский путч и декабрьские Беловежские соглашения для меня тогда не выделялись из ряда событий, которые происходили. Ведь Союза уже все равно не было. Один фонтан „Дружба народов“⁹ на ВДНХ. Так он и до сих пор стоит. Конечно, было бы замечательно, если бы сейчас мы жили в единой стране с Украиной и Белоруссией, но я думаю, что рано или поздно это все равно случится: общее культурное и языковое пространство сохранилось, и оно будет существовать в обозримом будущем. Русская культура – это единственное, что по-настоящему объединяло ту страну и продолжает объединять Российскую Федерацию. Почему сейчас разговоры, что Кавказ может отделиться, настолько реальны? Потому что там русских нет. Его ничего и не держит...»

---

⁸ Геннадий Иванович Янаев. Первый и последний вице-президент СССР. Во время неудавшегося переворота в августе 1991 г. возглавил Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), пытался узурпировать власть в стране. Показанные на весь мир дрожащие во время пресс-конференции руки Янаева стали символом путча.

⁹ Дрожащие во время пресс-конференции руки Янаева стали символом путча.

Демократ

Из беседы с Алексеем Навальным:

«...В 17 лет мне казалось, что мои политические взгляды сформированы, о чем я гордо всем и заявлял. Сейчас об этом смешно вспоминать, потому что за прошедшие годы эволюция этих взглядов была очень сильная. Но тут нет ничего страшного. Страшно было бы это отрицать.

Я был продуктом советской эпохи: когда все развалилось, никто ничего не понимал, ни в экономике, ни в жизни, и все строилось по принципу: „Сейчас мы все расфигачим, продадим в частную собственность, и начнется прекрасная жизнь“. Я был абсолютно с этим согласен: Чубайс¹⁰, Ельцин, все приватизировать, Верховный Совет расстрелять! Все мы помним расстрел Белого дома в 93-м году, когда все бегали, и я в том числе, и кричали „раздавить гадину!“ Я тогда учился на первом курсе, и мы с другом Андреем Смолячковым поехали на экскурсию по горячим точкам столицы. По Новому Арбату бегали спецназовцы и прятались от снайперов: бежит чувак в каске, приседая за машинами, а вокруг стоят человек шестьсот с открытыми ртами и на него смотрят. Очень смешно. Мы перелезли через забор зоопарка, чтобы поближе подобраться к Белому дому. Вокруг слышна стрельба, в клетке мечется перепуганный тигр. Вот тогда как раз было понятно, что всех разгонят, подавят и расстреляют.

Все это заложило основу тому, что происходит сейчас. Все это сделал не Путин. Это сделали Ельцин и вся та комсомольская сволочь, которая стала великими реформаторами и великими приватизаторами. Но, разумеется, действовали они при полной поддержке таких людей, которые говорили: „Давайте все снесем и будем в полном шоколаде! Пусть приходят иностранцы! Пошлины отменить!“ А тем, кто мне говорил, что есть пенсионеры, и что-то еще, я был готов выцарапать глаза. Должна быть рыночная экономика, а кто не вертится – тот лишний! С другой стороны, если бы я не был тогда таким, то не смог бы сформировать своих нынешних политических взглядов. Думаю, что многие ядерные демократы, вся эта гозманщина и чубайсовщина, все это понимают не хуже меня, просто не хотят признавать своих ошибок. Они просто были взрослее и несут за то, что случилось, прямую ответственность. И поэтому они так и продолжают говорить, что нужно было уничтожить «красных директоров» и все раздать. Сейчас, когда в это уже совсем мало кто верит, они запустили легенду, что, дескать, мы остановили гражданскую войну и голод. Это, конечно, ложь. Голода у нас не было. Да, многого не хватало. Но мы все жили в Советском Союзе, там тоже продуктов не было. А гражданскую войну они не остановили, она случилась в половине республик.

Теперь я, конечно, понимаю, что разделяю за произошедшее тогда ответственность с огромным количеством людей, потому что стоял на позициях „Раздавить Хасбулатова¹¹! Всех расстрелять! Ельцин, вперед!“ Эта фундаменталистская позиция и привела нас туда, где мы сейчас находимся. В конечном итоге она привела к власти Путина. Непосредственную ответственность несут, конечно, те, кто принимал решения, и в том числе Хасбулатов, когда стал раздавать автоматы. И Ельцин со своим незаконным указом о роспуске Верхов-

---

¹⁰ Анатолий Борисович Чубайс. Считается «отцом» ваучерной приватизации, результатом которой стал переход многих предприятий советской промышленности в частные руки и появление первых «олигархов».

¹¹ Руслан Имранович Хасбулатов. Последний председатель Верховного Совета России (1991–1993 гг.). Осенью 1993 г., после Указа президента Б. Ельцина о роспуске Верховного Совета, в соответствии с Конституцией России объявил о прекращении полномочий президента Б. Ельцина. Результатом стал двухнедельный кризис, закончившийся, по приказу Б. Ельцина, штурмом здания Верховного Совета с применением танков. Трансляцию штурма в прямом эфире вела телекомпания CNN.